

зумительных текстов, одним из многочисленных примеров которых был и мой сегодняшний доклад, который, к счастью, окончен.

1. Ролз Дж. Теория справедливости – Новосибирск, 1995. С. 19.

2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства – М., 1998. С. 31.

3. Кант И. Метафизика нравов – М.: Мир книги, 2007. С. 79.

4. Рорти Р. Справедливость как более широкая лояльность // Логос – 2007 – №5. С. 55.

Ф.П. Фурман (Лангепас)

КОНЦЕПТ – ДИСКУРС – ДИСКУРСИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

**Фурман
Феликс Павлович**

кандидат
культурологии, доцент
Нижевартовского
гуманитарного
университета

Введение в оборот и интенсивное использование категории дискурс как средства разрешения ряда методологических трудностей при исследовании феноменов политической жизни и политического сознания позволило содержательно подойти к изучению таких свойств этих феноменов, как относительная самостоятельность, активная роль – прежде всего в отношении к социально-экономическим реальностям (интересам реально действующих субъектов, их отношениям, действиям, институтам), специфические способы существования (в виде компонентов общественного сознания).

Все это обратило внимание исследователей на свойства различных дискурсов, формирующихся в процессе активного взаимодействия субъектов общественно-политической жизни – семиотические, кратологические и др.

Прежние упрощенные схемы объяснения взаимоотношений различных субъектов, социально-политических институтов, идеологических продуктов общественного сознания, формировав-

шиеся в рамках общего схематизма «выражения» интересов социальных групп в социально-политических процессах и институтах, столь же мало сегодня говорят нам об этих соотношениях, как абстрактные формулы теории отражения, в соответствии с которыми все наши представления о мире и о себе самих являются отражением окружающей реальности. Понятно, что серьезное усложнение представлений об этих системных связях в принципе произошло уже в XIX веке (и, прежде всего – это марксистская методология исследования так называемых «объективных мыслительных формах», «превращенных форм сознания и реальности» в «Капитале» К.Маркса).

В отечественной литературе, подчеркивает О.Ф.Русакова, разрабатывается комплексная модель дискурса, максимально учитывающая наиболее существенные его стороны¹. В комплексной модели дискурс-анализа дискурс рассматривается с позиции трех основных парадигм – коммуникативной, семиотической и кратологической. С позиции коммуникативной парадигмы дискурс трактуется как коммуникативное событие и сообщение, выступающее носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, интерпретаций и прочих виртуально-ментальных образований. С позиции семиотического подхода дискурс представляет собой знаковую систему, формирующую символическое пространство. С позиции кратологического подхода дискурс выступает властным ресурсом, посредством которого осуществляется легитимация, идентификация и позиционирование социальных субъектов и институтов.

В конечном счете, уходя сегодня от упрощенных схем соотношения идеологических продук-

тов, вырастающих из или надстраивающихся над социально-политической активностью субъектов, в свете огромного и разнообразного материала о природе, специфических свойствах, способах происхождения и функционирования этих продуктов, заставляют нас вводить категорию «дискурсивно-идеологического комплекса».

Надо сказать, что потребность в чем-то аналогичном высказывается различными авторами в отечественной литературе давно. Реализуются эти попытки в различных формах: например, введением особо методологически нагруженных терминов «концепты», «константы»², «мифологемы»³ и др. Тенденция эта восходит к известной работе А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры» (1971).

Ю.С.Степанов так поясняет замысел своего словаря «констант русской культуры»: «ценность идеи (в материале данной книги – «культурного концепта») безотносительна, заключена в ней самой; но в определенные общественные периоды, в зависимости от общественной конъюнктуры, может «высвечиваться» или оставаться в тени... Давно замечено, что количество их невелико, базовых – четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами». Слово «константы» ...означает, что выбраны главным образом те из них, которые устойчивы и постоянны, т.е. являются константами культуры»⁴. Автор обращает внимание на то, что «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»⁵. В силу этого у концепта неизбежно обнаруживается сложная структура: «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия...; с другой стороны, входит все то, и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.»⁶.

Не обходит автор и весьма сложный и трудный для понимания вопрос («пучок вопросов») о реальности концептов («не химеры ли концепты культуры?»): в какой мере концепты культуры, как

мы их определили, существуют для людей данной культуры?

Под дискурсивно-идеологическим комплексом того или иного общественно-политического движения (в данном случае – русского народничества) мы понимаем систему архетипических категорий-концептов, образующую в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающую его дискурс.

Во-первых, это система мифологем, концептов. В народничестве таковыми выступают «народ», «воля», «дело», «светлое будущее».

Во-вторых, это система, в которой существует ценностно-смысловое ядро, качественно определяющее взаимосвязь всех прочих мифологем. В народничестве – это «народ» и «борьба» за его «светлое будущее» (освобождение). Ценностно-смысловое ядро определяет своеобразный облик того или иного движения в сравнении с другими, даже если набор мифологем может быть достаточно похожим, близким: например, народничества, популизма, фелькише или фашизма.

В-третьих, как всякий дискурс, дискурс народничества или его ценностно-смысловое ядро в виде дискурсивно-идеологического комплекса обладает кратологическим, семиотическим и прагматическим ресурсом, что означает следующее: а) дискурс есть властный ресурс, б) он предписывает и задает пространство смыслов и значений, в) он формирует комплекс антропологических практик. Все вместе это и порождает сложный характер таких массовых социально-политических движений как народничество (или популизм, фашизм, фелькише и т.п.).

В комплексе всех этих свойств дискурсивно-идеологический комплекс вступает в конкурентную борьбу с другими дискурсами. Это ядро позволяет самому движению, культурно-историческому явлению сохранять свою относительную целостность, единство на протяжении длительного времени и в процессе ожесточенной теоретической и практической борьбы. Рассматривая социально-политическую борьбу, мы видим, как комплекс одних и тех же экономических, социальных, политических, культурных проблем проходят радикально различное выражение, артикуляцию в рамках различных соперничающих дискурсов. Именно отличительные особенности ценностно-смыслового ядра в каждом кокури-

рующем дискурсе (например, народническом и социал-демократическом) определяют различия в формулировании, расстановке приоритетов и акцентов постановки и решения актуальных проблем развития страны.

Несмотря на то, что народничество (от протонародничества, русского социализма Герцена, Белинского, Чернышевского – до либерального народничества и социалистов-революционеров) проходит длительный путь развития («целая эпоха»), он сохраняет достаточно узнаваемые черты до тех пор, пока его сходное ценностно-смысловое ядро (дискурсивно-идеологический комплекс) окончательно не размывается и поглощается (скорее, сдвигается, маргинализуется) более мощным дискурсом русской социал-демократии и большевизма в частности. Но до тех пор крайне пестрое многообразие оттенков и вариаций в формулировании и выражении смыслов и содержания категорий-мифологем остается жизнедействующей целостности, воплощающейся в комплекс узнаваемых антропологических практик.

Осмысление этого мощного культурно-исторического и социально-политического движения в терминах дискурсивно-идеологического комплекса позволяет преодолеть прежнее достаточно однобокое выражение многообразных связей и аспектов в нем: ценностно-смысловых, праксеологических и кратологических. Народничество, как и многие подобные ему массовые движения выразило себя предельно многообразно: в порождении нового семиотического пространства, т.е. порождении целого комплекса мощных смысло-жизненных ориентаций, в которых осмысливали и понимали себя целые поколения русских людей. Оно породило целое множество антропологических практик, в которых только и мыслило свою самореализацию не одно поколение молодежи. Оно властно вторглось в жизнь общества, заставив считаться с множеством новых ценностей и смыслов, породив множество новых социальных и политических институтов (политические партии, СМИ) или, по крайней мере, заставив модернизироваться ряд традиционных (семья, брак, образование, наука и искусство, литература).

В сущности, любое сколько-нибудь массовое и мощное социально-историческое движение, оставившее след в истории человечества (христианство, ислам, социал-демократия), живет и

действует в русле данных универсальных схематизмов. Сводить дело к «выражению социально-групповых или тем более социально-классовых интересов» сегодня уже мало продуктивно, объяснительная способность такого подхода уже не может удовлетворить исследовательский интерес.

Структурные элементы дискурсивно-идеологического комплекса. Прежде всего, приходится обращать внимание на то, что мы имеем дело не с понятиями, а с так называемыми «мифологемами» или концептами. Термин этот активно используется в сравнительно-исторических и аналитических исследованиях. В отличие от традиционного (классического) мифа, возникающего стихийно в недрах социально-однородного общества, мифологема есть мысленная конструкция и продукт теоретической деятельности. Но мыслительной деятельности, интенсивно пытающейся сконструировать новые смысло-жизненные реальности, охватить границы и содержание прежде не существовавшего: новых антропологических практик, в которых собирается осуществлять себя человек. С мифом ее роднит широкое использование полухудожественных чувственно-образных средств (метафор, интуитивно-чувственных схематизмов или архетипов), размытые границы объективно-реального, действительного и субъективно-желаемого, синкретизм.

В случае с дискурсивно-идеологическим комплексом народничества такими центральными мифологемами являются «народ» («народность»)⁷, «новый человек» («новая личность», «новые люди»), «земля», «воля», «будущее» («прогресс», светлое будущее), «дело» («борьба») и др.

В-третьих, важно иметь в виду, что все эти мифологема широкими полями отождествлений связаны друг с другом в синкретичное (а не синтетичное) целое, поскольку содержат в себе противоположности в неснятом (в гегелевском смысле) виде. Чаще всего эти кричащие противоречия либо не замечаются по причине изначальной неразвитости, неразвернутости противоречий, по причине субъективной «оптики», стремления любой ценой сохранить целостность, либо обнажаются в дискуссиях и спорах, в последующем разложении первоначальной видимой цельности.

Не забудем, что целостность эта является продуктом творческой конструирующей способности субъекта, открывающего для себя миры новых ан-

тропологических практик. Для того, чтобы понять роль и значение структурных компонентов дискурсивно-идеологического комплекса народничества, рассмотрим современные теоретические походы к этой проблеме.

«Понятие и концепт, непременно присутствующие в научном дискурсе – исторически дублиеты, русское *понятие* калькирует латинское *conceptus*. Однако в современном (научном и ненаучном) узусе эти термины расходятся в употреблении» – констатирует современный отечественный исследователь В.З.Демьянков и воспроизводит «схему» исторического расхождения этих терминов⁸. Идея «концепта», как категории, отличной от «понятия» (хотя мы часто их отождествляем) своими корнями уходит в средневековую философию, в ее проблему универсалий (С.А.Аскольдов, его известная работа «Концепт и слово»). Латинский корень этого термина явно намекает на «собирающие», «соединение», а не на готовность, твердую определенность⁹. Именно указанное свойство «концепта» – незавершенность, «зачатость», – приводило к тому, что он решительно отделялся от «понятия». В русском языке В.З.Демьянков устанавливает период отождествления концепта с понятием с 20-х годов до 70-х. XX века. Он поясняет, что их «разграничение проходит по следующей линии: *понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди *конструируют* для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди *реконструируют* с той или иной степенью (не)уверенности»¹⁰.

Но очевидно, что концепты все-таки тоже являются продуктом человеческого творчества. Но какого? Автор справедливо обращает внимание на то, что истоки современного повышенного внимания к концептам (и «концептосфере») лежат в интересе к тем «априорным» смысложизненным конструкциям, содержание которых не поддается однозначному и исчерпывающему определению, а роль их в формировании («задании») ценностно-смыслового пространства культуры – очень велика, фундаментальна: «Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений, старых *концептов*, не разрушая их, попытаться сконструировать новые *понятия*.

Новое, особенно в этике, является реконструкцией старого. Со справедливостью этого положения мы сталкиваемся и в общественной, и в научной жизни. На мысль об этом наводит и чтение прекрасного словаря Ю.С. Степанова»¹¹.

Ю.С. Степанов обращает внимание, что хотя «концепт – явление того же порядка, что и понятие», в настоящее время они довольно четко разграничены¹². С его точки зрения, «концепт и понятие – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии»¹³.

Другими словами, концепты принадлежат какому-то иному, более глубокому фундаментальному уровню культуры.

Конец XX в. ознаменовался интенсивными поисками методологического инструментария исследования живого «тела» культуры. Среди множества новаций возникает термин «концепт»¹⁴. В отличие от понятия концепт, в трактовке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, толкуется следующим образом: «Концепты – что-то вроде кристаллов или самородков смысла – абсолютные пространственные формы»¹⁵.

Как мифологема, как ценностно-смысловое ядро нового дискурсивно-идеологического комплекса, формирующегося в этот период, идея *народности* становится знаменем движения, орудием и оружием пусть пока еще только идеологической борьбы. В.Г.Белинский писал: «Народность – есть альфа и омега эстетики нашего времени, как «украшенное подражание природе» была альфой и омегой эстетики прошлого века... «Народность» заменила собой и творчество, и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключила в себе и эстетику, и критику. Короче: «народность» сделалась высшим критерием, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы»¹⁶.

Радикальные общественно-политические движения – будь то французское якобинство, русские народничество и большевизм, или германские «фелькише» и национал-социализм, современные популизм и расизм – в свой дискурсивно-идеологический комплекс непременно компонентом

включали мифологему «*нового человека*» («*новых людей*»).

Новый человек (новые люди) несут с собой не только новые идеи, но и новые антропологические практики («практики себя» – по выражению М.Фуко): это новые смысложизненные ориентации, в которых они только и могут понимать себя и мир, это новый образ жизни, свободный от сословных ограничений, это конспирация и нелегальность, это попытки реорганизовать старые вековые формы жизни – брак, семью, дом, воспитание детей. Именно этим решительным вторжением в то, что многим казалось незыблемым, освященным тысячелетними традициями, народники («нигилисты») вызывали столь противоречивое отношение: от восторженного подражания и преклонения до ожесточенных нападков, не останавливавшихся перед доносом, клеветой.

Концепт «*дела*». Идея «новых людей» формировалась как решение проблемы преодоления некоего паралича воли, *бездействия*, апатии, охвативших русское общество на протяжении целой исторической эпохи. А.И. Володин, исследуя этот вопрос, приходит к выводу: «Важнейшее место среди этих идей занимает идея исторического действия (практики, дела, действия). Опираясь именно на эту идею, русские социалисты рассматривают философию как орудие революционного изменения действительности...»¹⁷. Сильная размытость исходного смыслового ядра концепта «дело» часто приводило к недоумениям и разрывам, когда недавние союзники и даже соратники (А.И. Герцен и М.А. Бакунин, М.А. Бакунин и К. Маркс, М.А. Бакунин и С.Г. Нечаев) вдруг обнаруживают, что используя одни и те же термины, основываясь на одних и тех же текстах (программы, манифесты, заявления), они имеют в виду диаметрально противоположное и союзы их распадаются.

Концепт «*светлого будущего*». Русское народничество – движение социалистическое, проповедовавшее социализм. Именно в нем оно усматривало разрешение всех проблем: достижение свободы, освобождение от угнетения, и т.д. Но именно в этом пункте их воззрения характеризуются как утопические. Не в обыденном смысле: всего лишь «несбыточные», а в том смысле, что вместо теоретического исследования развития общества и выяснения путей и закономерностей

этого развития, строило желательные (мечтательные) проекты такого общества, как это делал, например, французский социалист Ш. Фурье. Влияние французского утопического социализма в лице Фурье и его последователей на русское народничество – общеизвестно. В их произведения русские социалисты находили подтверждение своим идейным поискам и мечтам. Психологически он подкупал несокрушимой верой в фундаментальную обоснованность естественными законами природы и разума, невероятным знанием мельчайших деталей устройства будущего «Золотого века» и тем самым – мощной иллюзией осуществимости и достижимости его.

В первую очередь, по этой причине понятие «светлого будущего» («счастья», «социализма») приобретает характер мифологемы, что и довольно быстро обнаруживается в ходе разработки его в процессе борьбы с конкурирующими дискурсами. Всякое «забегание» вперед с целью предвосхитить во что бы то ни стало возможно более детально все черточки будущего устройства общества – это «светлого будущего» – было чревато беспочвенными фантазиями и бесплодными мечтаниями, тем не менее, нужно было определить, по крайней мере, главные, наиболее важные. Что означает это «новое общество»? На этот вопрос, так или иначе, нужно было отвечать.

Концепт «*воля*», один из наиболее значимых для русского мировосприятия. В русском сознании воля, будучи непосредственно связана со свободой, почти всегда ей противопоставляется. Ядро концепта представлено в сознании носителей языка такими смыслами: самостоятельность/отсутствие подчинения; состояние/положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамок или правил/условий, предполагающее активные/интенсивные действия, предполагающее совершение действий исключительно в соответствии с собственными желаниями субъекта; состояние, вызванное ощущением полного отсутствия стеснений, ограничений. Специфический компонент ядра – большое, ничем не стесненное пространство. Концепт связан со смыслами «стихийная», «ввергающая человека в сферу инстинктов, лишаящая его человеческого облика», «оказывающая разрушающее влияние на кого-либо». Для концепта «свобода» свойственны смыслы «идеальная, заключающая в себе нечто

возвышенное; проникнутая высокими чувствами», «полная внутреннего содержания», «основанная на разуме, целесообразная», «предполагающая ответственность за совершенные действия»¹⁸.

Концепт «земля» также принадлежит ценностно-смысловому ядру народничества и впитывает свой спектр значений: «родная земля (Родина, страна)», «богатство», «благосостояние, благополучие», тесно связанные с трудом (на земле) и делом-борьбой (за землю): отсюда лозунг «За землю и волю!». Есть побочный смысл «почва» («почвенничество») очень близко народничеству идеей «самобытности», связанной с родной землей-почвой, от которых нельзя «отрываться». Светлое будущее, обретаемое в деле-борьбе новыми людьми, превращается в свободное общество вольных землепашцев, любовно возделывающих свою необъятную землю-почву-страну, в которой свободный труд дает простор душе, является источником общественного и личного богатства. Эти смысловые связи многообразно выразились как в понятийно-категориальных системах теорий, так и литературно-художественном творчестве, в лозунгах и манифестах.

Дискурсивно-идеологический комплекс русского народничества сыграл огромную роль в жизни России, задав целый ряд новых смысло-жизненных ориентаций, воплощенных в систему разнообразных антропологических практик, предопределивших главные тенденции развития русского общества (упрочение русского освободительного движения, рождение русской социал-демократии и русского социализма и коммунизма (большевизма)).

Влияние дискурсивно-идеологического комплекса народничества поистине огромно.

Это и подвергшиеся мощному преобразованию великая русская литература XIX-XX вв., русская журналистика и публицистика, русская художественная культура в целом (живопись, театр, музыка, декоративно-прикладное искусство). Мифологема «народности» и «борьбы за светлое будущее» поистине «перепахали» русскую духовную культуру и придали ей тот неповторимый колорит, с которым она вошла в мировую историю. Ряд рассмотренных структурных элементов-мифологем типа «народ», «новый человек», «свобода», «земля», «дело» и др. – и сегодня прорабатыва-

ются различными движениями в разных странах и наполняются дополнительными смыслами в Латинской Америке, Африке, Азии, Европе – в национально-освободительных движениях, правом и левом популизме, феминистском, кооперативном, молодежном движении, анархизме и др.

1. Грибовод Е.Г., Русакова О.Ф. Исследовательские направления и персонология Уральской школы политической дискурсологии (2001 – 2008) // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы. / Под общей редакцией О.Ф.Русаковой. 2 октября 2008 г. Том 1. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2008.

2. См.напр.: Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд.3-е. испр. идоп.М., Акад.проект,2004; Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе. Под ред. Л.Е.Бляхера, Б.В.Межуева, А.В.Павлова.Спб., 2008;

3. См.напр.: Русаков В.М. Архетипические категории в дискурсе травелога//Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Discursologia: Metodologia, teoria y practica. Челябинск, Изд. центр ЮУрГУ, 2010.С.431.

4. Степанов Ю.С. Указ.соч. С.4-6.

5. Там же. С.43.

6. Там же.С.43.

7. Обратим внимание на характерную для мифологем черту: термины «народ» и «народность» до неразличимости слиты, в отличие от научных понятий, где сущностный признак отчетливо фиксирован и определен: мы не говорим, что «атому» свойственна «атомность», а указываем, что она заключена в том, что атом есть мельчайшая частица вещества.

8. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке//Вопр. филологии. 2001. № 1. С.35-47.

9. «В классической и средневековой латыни слово *conceptus* употребляется чаще всего как причастие «зачатый», а не как существительное «понятие». Современное значение «понятие, концепт» классической латыни чуждо. В средневековой латыни, когда исходное значение было еще живо, метафорический перенос «зародыш → понятие» ощущался, видимо, слишком живо, а потому им не злоупотребляли. Даже в философских текстах средних веков, например, у Тертуллиана (160-220), у Св. Августина (354-430), у Боэция (480-524), *conceptus* употребляется чаще всего как причастие со значением «зачатый», а не существительное со значением «понятие» (Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии, 2001. № 1. С.35).

10. Там же. С.47.

11. Там же.

12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004.С.42.

13. Там же. С.42-43.

14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997; Неретина С. С. Тропы и концепты. М.: РАН, 1999; Грузберг Л. А. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003; Филатова А. А. Концепт как конституирующий элемент культуры: когнитивный подход. Дисс. ... канд. филос. н., 09.00.01. Ростов-на-Дону, 2007, и др., а также работы Карасика В. И., Красных В. В., Слышкина Г. Г. и ряда других авторов.